
Робинзон Кузо
и караван облаков
Антон Шешуков

Антон Шешуков

Робинзон Кузо и караван облаков

https://litres.ru/74747242
SelfPub; 2026

Аннотация

В небе над морем Кузо замечает облако с плавником. В Кедровой бухте он и Пуговка знакомятся с мальчиком Тави и обнаруживают в гитарном футляре маленького ветровика. Пока в садах ждут дождя, друзья отправляются в путь вместе с пастушкой облачников. Сумеют ли они помочь новому знакомому найти дорогу и разобраться, почему дождь идёт не туда?

Содержание

Глава 1. Бумажная туфля над морем 4
Глава 2. Мокрые следы в сухом городе 9
Глава 3. Порыв ветра за три аккорда 13
Глава 4. Тот, кто отвечал из футляра 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Антон Шешуков
Робинзон Кузо и караван облаков

Глава 1. Бумажная туфля над морем

На третье утро после отплытия из Семизвона бумажная туфля Иля упала за сундук.

Кузо достал её линейкой, расправил носок и положил на полку. Через несколько минут корабль качнуло. Туфля снова съехала к краю.

Кот поймал её и некоторое время держал на ладони. На пятке осталась карандашная чёрточка. Иль провёл её, объясняя, где согнуть бумагу, чтобы туфля смешнее падала в представлении. Теперь на галеоне у неё получалось падать и без представления.

Кузо нашёл нитку и подвесил подарок рядом с картой. Туфля покачивалась носком к Семизвону.

— Пуговка, посмотри. Далеко не уйдёт.

Мышка сидела за столом, поджав под себя край синей курточки. Перед ней лежали обрезки промасленной ткани.

— Я сейчас не могу. У меня иголка насквозь прошла.

— Через что?

— Пока только через всё, что нужно. Поэтому не отвлекай.

Он сел рядом и придержал ткань. Пуговка шила чехол для его фонаря. На вечерней вахте на прозрачную пластинку попадали брызги, и свет расплывался. Мышка хотела оставить спереди узкое окошко, а сверху сделать козырёк. Возле её блокнота лежала ещё одна выкройка, совсем маленькая.

— Это для чего?

— Карман внутри куртки. Чтобы карандаш не выпадал, когда я наклонюсь. После фонаря сошью.

Кузо придержал ткань покрепче. Его чехол и так занял всё утро.

Кузо предложил большой козырёк. Пуговка приложила обрезок, посмотрела и сказала, что с таким фонарь придётся нести отдельно от козырька. Выкройку уменьшили.

За открытой дверью пахло водой и тёплым деревом. С палубы донеслось Брамсово пение:

— У меня в мешке горох, я его поймать не мог...

Дальше кок забыл слова и несколько раз пропел про горох заново.

Кузо поднялся наверх за нитками потолще. Брамс сидел возле таза и перебирал горох для супа. Три круглые горошины лежали у его ноги. Четвёртая откатилась под ящик.

— Так это песня про сегодняшний обед?

— Теперь уже про завтрашний. Сегодняшний вон от нас уходит.

Кот принёс маленький совок. Вместе они собрали всё, что оказалось на досках. Одну горошину пришлось оставить: она закатилась в щель.

Вдали не было видно ни земли, ни кораблей. Только у правого борта время от времени появлялись летучие рыбы. Они вырывались из воды с блеском, расправляли плавники и долго скользили над волнами.

Кузо ждал следующую. Ему нравилось успеть заметить тот миг, когда рыба ещё касается хвостом воды, а уже летит. Каждый раз он смотрел чуть не туда.

Пуговка вышла с готовым чехлом. Надела его на фонарь, попросила кота поднять повыше и вдруг остановилась.

— Смотри, длинное.

На востоке лежала светлая полоса. Она тянулась над водой, узкая с одного края и широкая с другого. Обычные облака шли на север. Эта полоса медленно поворачивала к югу.

Кузо принёс подзорную трубу. В окуляре полоса дрожала от нагретого воздуха. Один её конец выгнулся, будто у облака был плавник.

— Наверное, облако расползается, — сказал он.

Барсур посмотрел без трубы, потом взял её у кота.

— Может быть, облачники. В этих водах встречаются. Подойдём к острову — спросите у местных.

— Они живые?

— Я видел их издали. Могу уверенно сказать, что большие.

Кузо ещё раз посмотрел. Светлая полоса уже смешалась с другими облаками. Ему захотелось, чтобы она показалась снова, поближе. Он представил, как огромный плавник проходит возле борта, и невольно отступил от поручня.

Пуговка этого не заметила. Она проверяла, держится ли чехол, если наклонить фонарь.

После обеда на галеоне чинили парус. Кузо подавал инструменты, потом сушил у борта мокрую щётку. Работа была обычная, а день всё равно получился хороший. На море иногда хватало одного неизвестного пятнышка, чтобы весь вечер думать о нём.

Когда стемнело, далеко на востоке несколько раз блеснула молния. Гроза шла в стороне от их пути. Барсур велел надёжнее закрепить всё на палубе и сверился с картой ветров.

Кузо стоял у двери камбуза. Отсюда было видно светлое окно, сковороду и Брамсову спину. Кок наконец вспомнил конец песни, но он оказался про морковь.

— Ты два раза начинал про горох, — заметил кот.

— Горох пока варится. Успеем вернуться.

Кузо посмеялся и пошёл вниз. Чехол прикрывал фонарь от брызг, а узкая полоска света хорошо освещала карту. Бумажная туфля двигалась над нарисованными островами.

Он придвинул чистый лист и начал рисовать облачника. Сначала получилось просто облако. Потом кот добавил плав-

ник, длинный хвост и глаз.

Наутро Пуговка сказала, что глаз он выдумал.

— Остальное тоже не совсем рассмотрел, — признался Кузо.

Рисунок он всё-таки сохранил.

Глава 2. Мокрые следы в сухом городе

Кедровая бухта оказалась зелёной почти до самой воды.

Над гаванью росли деревья с широкими ветвями, выше поднимались виноградные террасы. На каждой террасе стояла каменная стенка, а за ней — следующая полоска земли. Дома были белые, с коричневыми ставнями. Далеко за садами тянулся светлый хребет.

Кузо сначала решил, что на нём снег. Потом увидел в трубу сухую траву и голые камни.

— Известняк, — сказал лоцман, поднявшийся на галеон перед входом. — Сухой хребет. Ручьи под землю уходят, а сверху ни одной порядочной лужи.

Сам лоцман носил соломенную шляпу с двумя отверстиями для рогов. Одно отверстие было аккуратно обшито, второе вырезано кое-как.

Пуговка поглядывала на него, пока он не заметил.

— Молодой рог, — пояснил он. — Не ждал, что так быстро вырастет.

На причале гремела разгрузка. Из трюма галеона подавали стеклянные сосуды из Семизвона. Их ждали в островной красильне. Взамен Барсур собирался взять масло, ткань и сушёные фрукты. До отхода было больше недели.

Над крышей склада пролетела небольшая синяя кабина без колёс. За ней тянулась короткая тень. Кабина остановилась у столба, раскрыла нижний ящик и выпустила почтовый мешок прямо в руки работнице.

Внизу тем временем никак не могли сдвинуть обычную телегу: хозяин забыл снять тормоз.

Кузо помог Пуговке перенести на берег её сумочку. Вдвоём они отошли от грузового прохода и остановились возле большого каменного желоба.

Желоб был сухой. Вокруг него выстроили пустые бочки.

— Дождь собираете? — спросила мышка у женщины с деревянной крышкой в руках.

— Завтра или послезавтра, если караван не задержится. Вы бочку не занимайте. В прошлом году один торговец сел внутрь отдохнуть. Потом мы долго его искали.

Она поставила крышку рядом, а Кузо заметил на мостовой тёмные пятна. Они шли от стены к виноградной улице. Не следы ног — длинные мокрые полоски, между которыми камни оставались совсем сухими.

Кот потрогал ближайшую. Лапа стала влажной.

— Здесь дождь уже был?

Женщина посмотрела на ясное небо.

— Ночью по две капли на каждой улице. А в садах ждут. У погоды свои представления об удобстве.

Пуговка присела возле следа. На краю блестела крошечная капля, в которой отражался весь дом вверх ногами.

Мышка достала блокнот, но ветер сразу перевернул две страницы.

Кузо прижал угол ладонью.

Они прошли дальше по улице. В лавке на одном прилавке лежали свечи, медные петли и стеклянные шарики с погодными стрелками. На стене висела связка сушёных трав. Продавец спорил с покупательницей, которой стрелка вчера обещала ясный вечер.

— Она и сейчас его обещает, — говорил он. — Просто не сказала, какой именно.

Покупательница потребовала другую стрелку.

У поворота пахло нагретой хвоей. Из открытого двора доносилась музыка: несколько негромких звуков, затем весёлый голос. На верёвке между окнами сушились платки.

Кузо уже собирался заглянуть, когда по мостовой быстро прошла тень.

Всё вокруг на мгновение стало серым. У кота над головой потянуло прохладой. Он поднял глаза и успел увидеть длинный прозрачный край, словно кусок тонкого стекла, через который просвечивала черепица.

Край плавно загнулся и исчез за крышей.

Пуговка вцепилась в рукав Кузо.

— Ты видел?

Он кивнул. Сердце забилось часто, хотя ничего страшного не случилось. Над домами снова было чистое небо. Где-то за стеной капала вода.

Из музыкального двора выскочил мальчик с гитарой.

— Что там пролетело?

— Мы сами хотели спросить, — ответил Кузо.

Мальчик откинул со лба прядь, прислушался и осторожно тронул струну. Из гитары донёсся тонкий свист. Совсем не похожий на звук струны.

— Опять, — сказал он.

— Что опять?

Мальчик не ответил. Он смотрел на круглое отверстие в деревянном боку инструмента.

Сверху ему на макушку упала большая капля.

Глава 3. Порыв ветра за три аккорда

Мальчика звали Тави. Он сразу сказал, что свист не его.

— Я умею, но не так тонко. Хотите, покажу?

Показывать пришлось дважды. В первый раз Тави засвистел громко и довольно некрасиво, во второй получилось лучше, но сходства всё равно не было.

Со двора вышла высокая женщина с седой косой. На переднике у неё темнели капли лака, а на рукаве застряла деревянная стружка.

— Тави, если ты зовёшь покупателей таким способом, они могут не вернуться.

Мальчик объяснил про тень. Женщина посмотрела наверх, потом на гитару.

— Заходите. Я Ульма. Инструмент на стол, пожалуйста.

В мастерской висели гитары, похожие на лодочки с длинными шейками, маленькие скрипки и круглая вещь с одной струной. На полке стояла стеклянная банка с пробками. Кузо понюхал воздух. Пахло деревом, клеем и апельсиновой коркой.

Ульма предложила гостям скамью. Для Пуговки поставила на неё маленькую ступеньку.

Тави положил гитару, но убирать руки не спешил.

— Она вчера после грозы начала. Я подумал, что влажность. А потом ещё ветер изнутри. Только совсем чуть-чуть.

— Ты мне собирался сказать?

— Вот сейчас.

Мастерица посмотрела на него. Тави покраснел и добавил:

— Сначала хотел сам узнать.

Ульма осторожно посветила внутрь инструмента. Ничего не увидела. Проверила деревянные швы, две серебряные пластинки у грифа и подвижный костяной язычок под струнами.

— Сами чары держатся нормально. До разборки надо понять, что у нас изменилось. Покажи обычный малый ветер. Только к окну, без гостей на пути.

Тави уселся на табурет и поправил гитару на коленях. Она оказалась светлой, с маленьким голубым кружком на боку. Мальчик передвинул костяной язычок к этому кружку.

— Теперь с чарами, — объяснил он. — Если сюда, к белой метке, будет простая музыка.

— А на другой гитаре тоже можно? — спросил Кузо.

— На простой не получится, — ответила Ульма. — В эту я встроила воздушную настройку. И играть надо учиться. Одного инструмента мало.

Пуговка привязала к ручке оконного ящика короткую нитку. Она висела прямо вниз.

Тави тихо перебрал струны и запел про дорогу между де-

ревьями. Кузо успел представить тень и траву. Потом нитка у окна отклонилась. По столу прокатился пустой напёрсток, на лбу стало прохладно.

— Он настоящий, — сказал кот.

— Пощупай, если удержишь, — отозвался Тави.

Он улыбнулся, увидев, как Кузо подставляет ладонь. Захотелось показать ещё что-нибудь. Мальчик повернулся к окну и добавил строчку про ветер, который сам найдёт дорогу.

Порыв прошёл через двор. Один платок снялся с верёвки, медленно опустился на куст, другой прилип к ставне. Третий пополз по верёвке прямо к Тави.

— Руки со струн, — сказала Ульма.

Мальчик убрал пальцы. Мастерица передвинула язычок к белой метке. Ветер ослаб, и платок повис на краю подоконника.

— Я не собирался их сушить, — сказал Тави.

— Но представил, как ветер гуляет по всему двору. Здесь у нас для гуляния немного тесно.

Пуговка засмеялась, потом спохватилась: Тави было не очень весело. Она помогла достать платок из куста. Ветка оставила на белой ткани две зелёные полоски.

— Это мой, — сказала Ульма. — Постираем. Дальние прогулки пока отложи.

Мальчик кивнул и принялся вытирать гитару рукавом, хотя дерево было сухое. Кузо посмотрел на платок с зелёными

полосами. Прохлада на лбу ему всё-таки понравилась. Жалко, что теперь хвалить её было как-то неловко.

— А прохладная крыша как делается? — спросил кот.

Тави поднял голову.

— Над столом? Покажу потом. Там надо представлять ровный навес. Без платков.

Из гитары донёсся тихий смешок.

Мальчик замер. Ульма наклонилась к инструменту, уже с другой стороны.

— Кто там? — спросила она.

В круглом отверстии блеснуло что-то серебряное. Тонкая прозрачная полоска высунулась наружу, ощупала край и исчезла.

Пуговка перестала складывать платок.

— По-моему, это не влажность.

Внутри гитары кто-то чихнул.

Глава 4. Тот, кто отвечал из футляра

Ульма положила гитару на бок и отодвинула светильник.

— Я не стану тебя вытряхивать. Можешь выйти сам, если хочешь.

Из отверстия показалась серебряная кисточка. За ней вытянулось прозрачное тельце, узкое, как шёлковая закладка. Существо изогнулось над деревянным краем, замерло и медленно развернулось.

Кисточка оказалась хвостом. На другом конце тельца виднелись два тёмных пятнышка. Они повернулись к гостям. Остальное было так прозрачно, что Кузо видел сквозь него узор на скатерти.

— Я Вей, — сказало существо.

Голос был тихий, со свистом между словами.

— Ветровик? — спросила Ульма.

Серебряный хвост дёрнулся.

— Маленький.

Тави нагнулся ближе. Вей тут же втянулся обратно, оставив на краю одну кисточку.

Мальчик отступил.

— Извини. Я только посмотреть.

Кузо подтянул к столу свою скамью, но сел не вплотную.

Ему тоже хотелось разглядеть нового знакомого. Особенно понять, где у него кончается тело и начинается воздух.

— Помощь нужна? — спросил кот.

— Чтобы не гремело.

— Сейчас не гремит, — сказал Тави.

— Потом.

Мальчик посмотрел в ясное окно. Вей выбрался наружу и устроился на длинной шейке гитары — грифе. Его хвост обернулся вокруг колка, тонкого винтика, на котором держалась струна.

Ульма взяла с полки чашку, налила немного воды и поставила рядом.

— Можешь остаться, пока разбираемся. Только инструмент у нас ещё нужен. Для сна найдём другое место.

Вей осторожно коснулся воды кончиком хвоста. Вдоль прозрачного тельца пробежали маленькие серебристые точки. Кузо наклонил голову. Так на море иногда светится ночная волна, только здесь всё помещалось на ладони.

— Как ты туда попал? — спросил он.

Ветровик показал на круглое отверстие.

— Я не через щель. Там нельзя. Там дерево.

— А я думал, ты как ветер сквозь что угодно, — признался Тави.

Вей обвил хвостом колок потуже.

— Я сквозь дверь однажды попробовал. Носом.

Пуговка не удержалась от смешка. Вей повернулся к ней,

и хвост слегка распушился.

Он рассказал, что вчера вечером был над верхней улицей. Там началась гроза. Тави сидел у открытого окна и пел про тихий ветер, который найдёт дорогу между деревьями. Вей услышал знакомое движение воздуха, спустился к окну и нырнул в гитару.

— Ты на ней играл. А внутри тёплое. Дерево кругом. И гром совсем глухой.

Тави посмотрел на свой инструмент иначе. Вчера он был очень доволен музыкой: получилось удержать прохладу над столом, пока Ульма сушила лак. Оказалось, кто-то пережил в этой музыке совсем другой вечер.

— Я футляр не запирал, — сказал он. — Прокладка досыхала. Ты мог выйти.

— Я выходил. Потом опять.

Ульма спросила, с кем Вей пришёл на остров. Тот долго гладил хвостом колок, потом ответил:

— Наверху ждут.

Мастерица не стала угадывать, кто именно. Она сказала, что знает пастушью службу, и предложила связаться с ней. Вей сразу спрятал голову под струны.

— Сначала не сюда, — попросил он.

— Хорошо. Я выйду к ним во двор. Но узнать, кто тебя ищет, надо.

Пока Ульма говорила у маленького настенного зеркальца, Тави снял с дальней полки пустую деревянную коробку. За-

стелил её мягким лоскутом, сделал над коробкой навес из картона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.